

К 683.

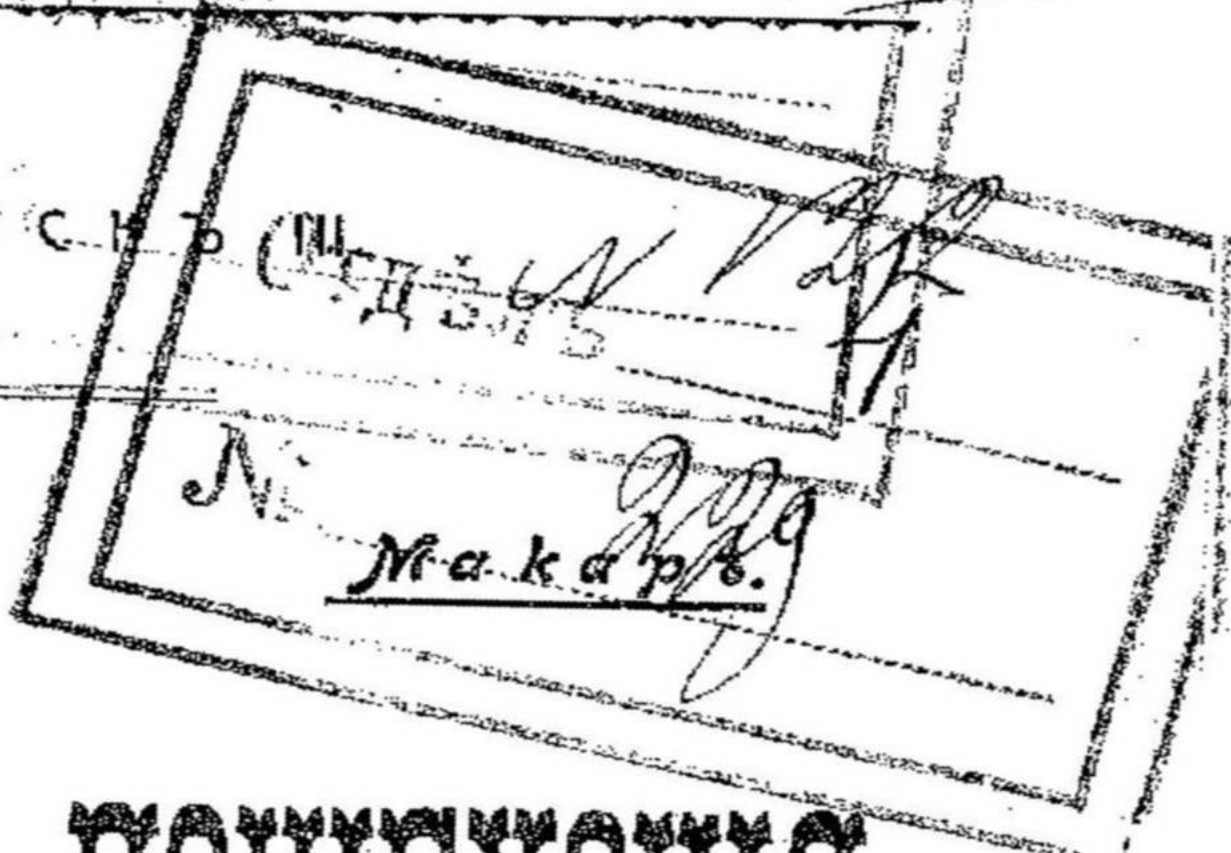
ОБЩАТЕЛЬСКИЙ ВЕКЩАЛ

ГСКІЕ ЭТЮДЫ.

(ФЕЛЬЕТОННО-САТИРИЧЕСКІЕ ОЦЕРКИ).

Издаііе Савенкова.

Д. М. К.

1914

ЯКУТСКАЯ ПОШЕХОНИЯ.

10 коп.

Якутская
Национальная
Библиотека
Отд. Я. 805
№ М-15-2
Шкаф.
Полка
Имя. *Савенков*

Якутская
Городская Библиотека
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Я. А. С. С. Р. С. Ф.
Отдел _____
Адрес. шкаф _____
№ _____

ЯКУТСКЪ. ТИПОГРАФІЯ В. В. ЖАРОВА

1908

Государственная

Краевед. фонд

Якутская Библиотека

Центральная

Якутская Пошехонія.

✽

Выступая впервые предъ читателемъ, считаю пужнымъ рекомендоваться. Я тотъ самый Макаръ, на котораго валятся всё шишки.

Волиѣ понятно послѣ этого, что въ Кузькѣ я вижу товарища по несчастію, не умѣющаго пытаться отъ купческихъ щедротъ.

На дняхъ встрѣчаю этого бѣднягу очень огорченнымъ.

— Въ чемъ дѣло? спрашиваю. —

— Скверно, — отвѣчаетъ Кузька, — я наблюдалъ невѣроятное потрясеніе основъ. Давно уже нашими прадедами введена во всеобщее употребленіе пословица: „Не тронь — не воняетъ“, а я не трогалъ, и все-таки завоняло!

— Какимъ образомъ? — удивился я. — Расскажи, пожалуйста! —

— Длинная исторія. Впрочемъ, расскажу. Ты слышалъ что нибудь о Сапогѣ, Лапгѣ и Старомъ башмакѣ? —

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ такіе въ литературѣ не извѣстны. —

— Ты ошибаешься. Читалъ-ли ты когда нибудь московскую брошюрку: „Пошехонцы“? —

— Ну, помню! —

— А если такъ, то вспомнишь, вѣроятно, и тѣхъ молодыхъ, которые толкою въ рѣкѣ разводили. Представь себѣ, что эти почтенные дѣятели въ настоящее время разводять толо-

вно... то-бишь, газету... Положимъ, въ Якутскѣ, но все-таки — газету. Это вводить въ заблужденіе легковѣрныхъ. Въ числѣ такихъ легковѣрныхъ оказался и я. Приходить ко мнѣ пошехонецъ и говорить:

— Пошто не пишешь? Приходи къ намъ. — Пропиши когонибудь. —

— А вы, говорю, — не обругаете меня въ концѣ-концовъ и псевдонима не обнаружите? —

— Не обругаемъ, — мы люди интеллигентные. Только насъ не трошь: полунинтеллигентами насъ не называй и нашихъ литературныхъ талантовъ не отридай! —

— Ладно, — думаю, — среди всякаго народа герся, — повалаандаюсь малость и съ пошехонцами. —

Долго-ли, коротко-ли, только надумался я пойти къ нимъ. Подхожу къ редакціи, гляжу, а на тротуарѣ клочки шерсти какой-то валяются. Поднялъ я эту шерсть, взошелъ въ редакцію, показалъ сторожу и спрашиваю:

— Скажите пожалуйста, что это за гадость у васъ на тротуарѣ валяется? —

— Ахъ, чертъ ихъ возьми! — отвѣчаетъ. — Вишь ты, якутскіе литераторы у насъ тутъ передрались, другъ другу бороды повырывали и по вѣтру пустили, — мало того, что редакцію, а и всю улицу шерстью своей засорили. Срамота! Спервоначала въ собственномъ соку кипѣли да ругались. А потомъ начали грязное бѣлье у сотрудниковъ трясти, да псевдонимы разоблачать. Скажешь имъ: „господа пошехонцы, нпгоже такъ и въ литературномъ мѣрѣ не принято.“ „Ладно,“ отвѣчаютъ, — „намъ законъ не писанъ!“ А потомъ опять про-

мель себя перессорились и сейчасъ — въ бороды... Знамо — пошехонцы! —

Послушавъ я правдивый рассказъ и рѣшилъ уйти подальше. Только черезъ нѣкоторое время приходитъ ко мнѣ пошехонецъ и говоритъ:

— Ты все-таки проищи когонибудь. А то у насъ писать-то никому!

Малость погоди написалъ я и послалъ въ пошехонскую редакцію, но на всякій случай сверху рукописи приписку сдѣлалъ: прошу, молъ, сопли не мазать! Дѣло, видишь-ли, въ томъ, что одну рукопись они мнѣ всю этимъ ихнимъ редакціоннымъ матеріаломъ испачкали.

Обидѣлись пошехонцы, — насилу рукопись назадъ вызволилъ.

Тутъ какъ разъ и подвернись добрый человекъ.

— Охота—говорить—тебѣ, Кузька, съ пошехонцами валан-даться. Пошехонцы—народъ сытый: они пишутъ да сами своимъ писаньемъ любятъ, а тебѣ, братъ, этакъ не приходится. Пиши за деньги. Думаешь, въ Якутскѣ не купятъ? Коли правду напишешь, такъ и здѣсь купятъ! —

Сталъ я съ тѣхъ поръ за деньги писать, и хлѣбъ съ масломъ ѣсть.

Увидали это пошехонцы и разсердились, зависть ихъ взяла. Они думали, что хлѣбъ съ масломъ ѣсть — это ихъ привилегія, а нашъ братъ долженъ на нихъ смотрѣть и кланяться.

А тутъ еще подвернись въ моемъ писаніи такой типъ (надо позвать Обираловъ), въ которомъ пошехонцы своего благодѣтеля усмотрѣли, — и закопошились.

Откопали они откуда-то мою маленьку самозванную и на меня палустили. А старуха, извѣстно, вздорная:

лгать, клеветать — это ей пичоёмъ. Вѣдь за то се и изъ родного дома выгнали. Начала она съ того, что Кузей меня назвала. Непривыкъ я къ такой ласкѣ. —

Вижу, что каверзу какую-то готовить. Такъ и вышло. Начала она врать, да такъ нагло, такъ нагло: сперва нѣсколькихъ незнакомыхъ мнѣ людей оклеветала, доносъ на нихъ по начальству сдѣлала, потомъ товарищами моими ихъ назвала. И еще что выдумала: будто я какое-то заведеніе покупалъ и у купцовъ деньги просилъ, а тѣ не дали, послѣ чего я на нихъ и озлобился. Ей—Богу, Макарь, ни у кого денегъ я не просилъ! А что насчетъ купцовъ, такъ я ихъ даже люблю, — только настоящихъ купцовъ, смѣлыхъ и предпріимчивыхъ, а не тѣхъ, что на обухъ рожь молотятъ. Эти, впрочемъ, не кунцами и называются, а „кулаками“. Только пошехопцы не смѣютъ ихъ такъ называть!

И вѣдь какая провокаторская старуха: во всемъ ея паквинѣ такъ и сквозитъ желаніе мой псевдонимъ во всеобщее свѣденіе обнаружить и, значитъ, незамѣтнымъ образомъ, Гудино дѣло совершить.

Успокойся, Кузька, — сказалъ я. — Просто пошехопцы увидѣли въ тебѣ конкурента, и перенугались; а такъ какъ по правиламъ литературныхъ задворковъ (твердо усвоеннымъ пошехопцамъ) каждому конкурента слѣдуетъ заблаговременно обливать номоями, то они и обливаютъ, да кстати ужъ прихватываютъ и всѣхъ, относящихся непочтительно къ пошехопскому генералитету.

Особенно боятся они „человѣка, вращающаго бѣлками“. Не даромъ твой маленька говоритъ, что она всегда испуганное лицо дѣлаетъ, когда его увидитъ. И изъ мудрено: ужъ очень

она ничтожна передъ нимъ! Потому и злобствуетъ на него, и клевететь.

— Что касается купцовъ, — продолжалъ я, — то кому же не извѣстно, что „Кузьки“ чащедохнуть съ голоду, чѣмъ попрашайничаютъ, тогда какъ съ „Кузькиными матерями“ дѣло обстоитъ иначе: они основываютъ свое существованіе на бупеческихъ подачкахъ и, вполне понятно, что на ихъ долю выпадаетъ неблагодарная роль защищать своихъ благодѣтелей отъ вашего брата. Кроме того, сознайся: вѣдь ты не интеллигентъ?

— Нѣтъ, — Макаръ, — не интеллигентъ я, — отвѣчалъ Кузька.

— Ну вотъ видишь! Мало того, ты постоянно заявляешь: „я самъ съ усамъ!“ и дѣлешь интеллигенцію на признанную и не признанную, причемъ критерій для этого опредѣленія ищешь въ сознаніи такихъ-же „Кузекъ“, какъ самъ. Вѣдь это-жъ обидно для пошехонцевъ! —

Послѣ этого Кузька немного успокоился.

— Такъ пускай, — говорятъ, — моя маменька не вретъ, по крайней мѣрѣ, что я ей свои произведенія преподносилъ. —

— Наявный-же ты парень, Кузька! Неужели не видишь, что для твоей самозванной маменьки литература и ложь — синонимы. Подумай малость, она еще не то на тебя наклевететь. А ты напечатай-ка лучше ея исторію. Пусть люди добрые знаютъ, что это за мерзкая старуха. А я напечатаю о томъ, какъ „Якутское пошехонье“, газета политическая, общественная и литературная занялась писаніемъ насквелей на своихъ конкурентовъ.

— И вѣрно! — воскликнулъ Кузька усмѣхнувшись.

— Напечатаю, и разговаривать больше о пошехонцахъ не

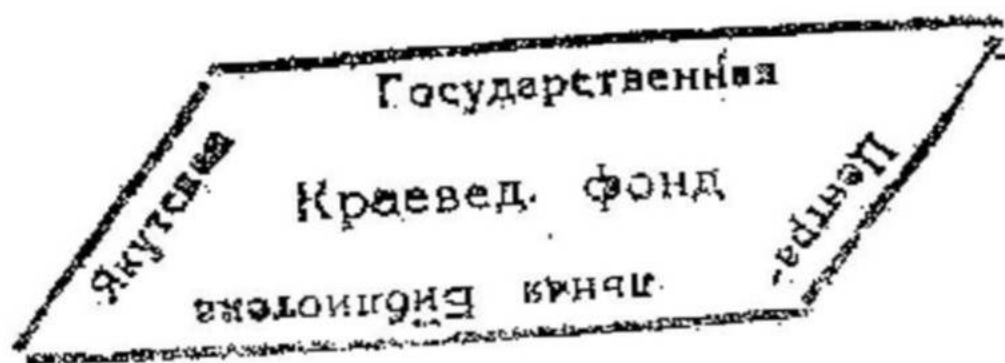
стану: ужь очень мерзки они. Отъ юности моя фелетощ
кормлюсь, а такой гадости подь перо не попадалось! А
знаешь, Макарь, отькуда они здѣсь взялись? —

— Отъ сырости завелись, надо полагать, — отвѣтилъ

— Вотъ именно, — сказалъ Кузька. — Обидно мнѣ то-
ко, что мудрость народную они отрицають: я ихъ не трогаю
а они зловоніе распускають! —

На этомъ мы разстались.

МАКАРЬ.

Готовится къ печати IV выпускъ „КУЗЬ
КИНА МАТЬ“.